

Предисловие

В данном сборнике, подготовленном по итогам работы круглого стола, посвященного двадцатилетию кафедры социальной философии УрФУ, преподаватели кафедры представляют свое видение противоречивого спектра современной социально-философской проблематики и перспектив ее развития. «Пунктуации: Складки времени» — не просто красивое название, призванное оттенить историю становления кафедры. Историю можно излагать сухо и образно. Манера изложения ни в коей мере не влияет на само повествование, в котором, отмеряя веками этапы, разграничивается ее движение к некоторому «сейчас» — вершине, позволяющей обозревать минувшее, обещать будущее. В большинстве своем, каждая значимая дата, достижение определенного рубежа сопровождаются этим обязательным «поворотом к прошлому», которое никогда не было настоящим, «обещанием будущего», которое никогда не станет настоящим. «Воспоминание прошлого», «повторение будущего» — это как будто всеобщая практика, не обладающая, впрочем, статусом обязательной всеобщности. В сборнике, представляемом Вашему вниманию, мы не стремимся ни следовать данной практике, ни полностью отказываться от нее. Поэтому ракурс рассмотрения смещен: не «историческое» повествование, а складки.

Почему же речь идет именно о складках времени? Ответ на этот вопрос, хотя и включен в изменения социально-философского знания, коренится отнюдь не в проведении параллелей между политическими и методологическими трансформациями, не в какой-либо форме ретроспективности, которой мы, впрочем, должны уделить немного внимания...

Когда в 1992 г. на философском факультете Уральского государственного университета была образована кафедра социальной

философии, ее возникновение означало не просто появление новой административной единицы взамен существующей, но прежде всего способ утверждения и трансляции новой формы видения философского и социального знания, создание социальной философии как дисциплины. Итогом произошедших изменений стала реализация проекта гуманитаризации философии и общественно-вознания, полностью перестроившего концепцию преподавания, развернувшего новые по своей стилистике научные исследования. Значимость получаемых результатов подтверждалась и подтверждается до сих пор грантами, премиями, международными индексами цитирования. В конце концов, на сегодняшний день в своей дисциплине кафедра социальной философии стала одной из ведущих в России. Работа над созданием принципиально нового социально-философского видения привела к организации научной школы «Гуманитаризация общественно-вознания», научно-образовательного центра «Современная философия и методология общественно-вознания», а также учебно-методической лаборатории «Социальное управление»... Итак, социальная философия, дисциплинарно оформленная, представленная в институционализированных формах научных школ и лабораторий, реализованная в конкретных исследованиях, защищенных диссертациях, написанных книгах, изданных учебниках и разработанных учебно-методических комплексах, журнале «Социемы».

В то же время нельзя упускать из виду, что социальная философия должна быть рассмотрена в контексте самой «философской ситуации». Эта ситуация всегда маркирована некоторым противоречием между институционализацией мышления и самим мышлением. Изменения, захватывающие одно, с неизбежностью затрагивают другое, это одна из слишком легко доказуемых очевидностей: двадцатилетие кафедры социальной философии оказывается вписанным в виток локальных институциональных трансформаций оформления и становления «нового» университета.

Современная философия имеет очевидные институциональные связи с университетом не только потому, что находит «приют» в нем, но и потому, что она несет ответственность за саму идею

университета. Философия осуществляется в целом в рамках университета, но университет является философским учреждением, идея университета (по крайней мере, идея современного университета) является философской идеей. Отсюда «двойная связь» философии: будучи дисциплиной среди множества других, элементом серии, философия в то же время отходит от этой имманентности, чтобы описать и даже построить серию, элементом которой она является. Более того, эта «двойная связь» в соответствии с традиционной схемой дает философии привилегию высказывать истину об университете: региональному знанию не хватает оснований. В то же время эта привилегия философии сопровождается отсутствием реальной власти внутри и вне университета, истину которого она, тем не менее, высказывает. Философия высказывает истину, но не учреждает закон. Можно было бы предположить возможность строгого различения между констативным языком философии и перформативным языком власти, но хрупкость этого различия не терпит испытания.

Это испытание не является и не-обходимым. Привилегированность философии не исчерпывается собственно философскими привилегиями. До некоторой степени наше утверждение может показаться парадоксальным, несмотря на то, что никакой парадоксальности в нем нет, но у философии имеется и определенная не-философская привилегия, актуализирующаяся каждый раз, когда речь идет о «бдительности», возможности «деконструкции», «распознавания» множественных форм старых и новых структур, стереотипов, действий. Потребность такой «деконструкции» или «бдительности» продиктована необходимостью оставаться открытыми к новым, даже институциональным, возможностям.

Из сказанного, однако, не следует, что нам нужно защищать философию от повсеместного позитивизма эффективности и полезности. Если необходимость «защищать» философию действительно стоит перед нами, то мы тем самым возвращаемся к вопросу о «двойной связи» философии, где философия, которую «мы защищаем» уже предстает не как «философия — наука наук», и не как «философия — служанка наук», и тем более

не «философия — идеология». Мы защищаем философию достаточно автономную для того, чтобы признать невозможность автономии, фундаментальную инаковость. Такая философия должна рассматриваться не под знаком истины или закона, но под знаком событийности, инаковости. В этом и заключается со-временность философии: не выражать дух времени, не идти в ногу со временем, но мыслить время, смещающее всякую современность.

Итак, дисциплинарно оформленная, институционализированная социальная философия вписана в эту ситуацию во всей ее многозначности и даже кризисности. Нелинейное сложение, складывание модусов времени, методологические или парадигмальные переходы постнеклассической рациональности, поиск новых, «децентрированных» объектов исследования, наконец, отказ от самой объективности как чего-то, предполагающего наличие единого основания, критерия, смысла, — лишь самые общие штрихи той ситуации, в которую социально-философские исследования заключены сейчас, и того горизонта, к которому они, явно или нет, оказываются устремлены. Предлагаемые вашему вниманию статьи — попытка расставить «знаки препинания» в этой сложной, зыбкой, складчатой структуре социально-философского знания.

Т. Х. Керимов